

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

ОГЛАШЕНИЕ VI

1. Я знаю, что для всех, кто с радостью принимает это время поста, оно становится источником многих и великих благ, так что нет такого блага, которого бы они от него не получали. Для меня же существует и особое, дополнительное благо, ничуть не худшее в состязании с другими. Ибо пост заставляет меня время от времени, исполняя свой долг, вновь опустить в воду повешенное «в дыму очага» кормило наставничества¹, и, разогревая творческую силу души, побуждает ее разродиться новой речью. И, прекращая затянувшееся молчание, он требует предложить соответствующее рассуждение вам, моей пастве. Ибо все прочие *дни лет наших*, по словам пророка, как бы исчезают *в суете* (Пс. 77, 33), поскольку то и дело возникают новые заботы, которые не позволяют заниматься делами первоочередными и более важными, но препятствуют всякому духовному делу и слову, побуждая предаваться неразумному пустословию. Но вот начинается время поста, и тотчас же положение дел меняется², так что мы оставляем всю тщету и принимаемся за духовные заботы, в том числе и словесные.

2. Итак, вот почему я принимаю пост с большей радостью, чем другие, и, радостно целуя и жарко обнимая его, приветствую в таких словах: «Как сладостно, что ты вернулся к нам! Как сладостен твой приход! Вновь ты пришел, пост, истинне сладостный светильник, нож, отсекающий суету, гонитель житейских забот, любезный воспитатель пророков и спутник всех блаженных мужей! Ты пришел, чтобы умягчить наши души и очистить от скверны, приставшей к нам в течение всего года. Ты пришел — и вот нет излишества, нет чревоугодия, нет никакого пустословия. Ибо ночь не выносит присутствия солнца, а заморозки — оттепели. Ты пришел, обладая великим достоинством, и ты уже сам по себе прекрасен, являя воистину прекрасный вид. Ведь как замечательны и отблеск недоедания, и цветок стыдливости, и украшение молчания, и счастливая скромность! Собранность же и сосредоточенность в себе свидетельствуют о тебе как о вместилище всяческой славы.

3. Но всего прекраснее, что ты, будучи царицей и старшей дочерью Божией, не приходишь в одиночку и без всякой свиты. Ибо сколько добродетелей следует за тобой, и какой лик их окружает тебя! Вот, справа от тебя стоит молитва, воздевающая преподобные руки, с другой же стороны о тебе заботится сама сияющая с виду и человеколюбивая милостыня, которая как будто явственно протягивает щедрые руки к нуждающимся. Впереди тебя идет покаяние с мрачно потупленным взором, убежающее лица горячими слезами. А сколько и какие добродетели следуют за тобой, разумею воздержание, целомудрие, мир, великодушие, умеренность, любовь, радость и, опять-таки, их собственную свиту! О красота! О множе-

ство! Я как бы вижу *шестьдесят цариц* из Соломоновых песней (Песн. 6, 7). Вот какой блаженный лик, о владыка пост, и окружает тебя, и сопровождает в пути, и вместе останавливается на ночлег, и вообще пребывает с тобой неразлучным».

4. Так найдется ли столь неприятный или нечувствительный к добру человек, который бы не пожелал вместить совокупность стольких и таких благ и познакомиться с сопутствующими посту добродетелями? Я же, о слушатели, с такой готовностью принимаю и приветствую пост как из-за перечисленных благ, так и, как было сказано, ради сего словесного служения, которое пост предоставляет мне вместе с прочими благами. Ибо я, возможно, был бы изобличен в совершенном молчании, если бы ежегодный приход поста не позволял слегка отдохнуть от тщеты и снова прийти в себя, а вместе с тем и приступить к словесному служению, для которого я, конечно, предназначен прежде всего другого. Итак, должно благодарить пост и за то, что он вновь напомнил мне о моем обетовании, и за то, что предоставил в мое распоряжение такую аудиторию. И вот я снова возвышаю голос, объясняя нечто полезное, и вовсе не обманываю Учителя, но, напротив, приближаюсь к жизни апостолов, поскольку, кроме всего прочего, занимаюсь свойственным им делом. Ибо сказано: *Двенадцать [апостолов], созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пецись о столах* (Деян. 6, 2). И затем: *А мы постоянно прибудем в молитве и служении слова* (Деян. 6, 4).

5. Итак, прощайте, заботы о столах и ухищрения поваров, служение чреву и угодничество перед гортанью! Забудем о чреве и яствах! Ибо впредь мы будем жить *всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4), приветствуя пост, который утверждает духовные и непреходящие блага. Его-то и собираюсь я восхвалять, ибо он, давая повод к настоящей речи, сам же служит и ее предметом, и притом настолько достойным, что я не устаю этому восхищаться. Впрочем, это не препятствует нам, и прославить, по мере своих сил, источник столь великих благ, и призвать этим восхвалением к посту всех, кто еще не совершенно развращен роскошью. Пост — обретение и поистине совершенный дар, *сходящий от Отца светов свыше*³, ибо он держится за небесный свод и оттуда ведет свое происхождение, находясь в родстве с ангельскими силами, чья природа величается не только безбрачием, но и отсутствием потребности в пище. Ведь если бы нашему телу не были свойственны приток и отток жизненных соков⁴, то оно и не нуждалось бы в восстанавливающем силы и поддерживающем его питании.

6. Ибо хотя мы и знаем о *хлебе ангельском* (Пс. 77, 25) и хлебе, сходящем с небес, но не должны подразумевать под этим так называемым хлебом ангельским хлеб в том же смысле, как простолюдины называют корыто корытом⁵, чтобы не оказаться младенцами, неспособными питаться твердой пищей и предаваться духовному созерцанию. Да и то, что ангелы, которых гостеприимно принимал Авраам, принимали пищу, надлежит понимать соответственно достоинству таковых сотрапезников, чтобы не дойти до нелепых выдумок, приписывая бесплотным

существам телесные органы: резцы и коренные зубы, чтобы откусывать и разжевывать пищу, пищевод, поглощающий прожеванное, и, наконец, желудок, принимающий и переваривающий съеденное. Итак, ангелы не едят хлеба, да и вообще не питаются человеческим или каким-либо иным способом, хотя мы и слышали, что Писание говорит о *хлебе ангельском* и повествует о том, как Авраам *предложил им, и ядоша* (Быт. 18, 8).

7. Вот как пост первоначально возник с небес. Впоследствии же, когда понадобилось украсить и землю, начало ему было положено не где-нибудь, а в Эдеме; и первая заповедь данная человеку, была: *Не снесите* (Быт. 2, 17). Ибо невозможно было человеку жить без поста, словно без некоего наставника и питателя, и невозможно было бы ему далее проводить время в раю, оставаясь бессмертным, если бы сей источник бессмертия оказался в пренебрежении, как оно и случилось немного спустя. Ибо стоило пренебречь постом, и тотчас же в мир вошла смерть. И вот еще одна причина для узаконения поста, ибо оскорбив пост, мы умерли, а если почтим его, то оживем вновь. Ведь среди лекарственных средств одни предназначаются для сохранения здоровья, а другие — для его восстановления, когда оно утрачено. Пост же и сохраняет жизнь тем, кто ею владеет, и возвращает, когда она утрачена. Ибо он удерживает всякую добродетель, направляет всякого праведника, руководит всяким преподобным, споспешествует всякому, избравшему благу часть, очищает боговидцев и назореев, вершит суд вместе с законодателями, прорицает вместе с пророками, осеняет апостолов, как некая вышняя сила. Можно ли по достоинству вообразить Бога, если душевное око не было предварительно очищено постом? Можно ли принести себя Богу, не очистившись и не очищая себя постом? Если бы не постился пророк, то не испытывал бы вдохновения, и не предсказывал грядущего. Свидетельствует о том Давид, постившийся много недель, и так проникавший в тайну будущего. Да и апостол, если он не подкрепляет себя постом *даже до края земли* (Деян. 1, 8), то не будет легким на ногу и препоясанным, чтобы обходить вселенную.

8. Вот как пост украшает и упорядочивает лик святых, раздавая каждому праведнику иной дар, сообразно его вере, будь то дар пророчества, премудрости, словес, исцелений, сил, языков, откровений, учительства или утешения. Пост же сохраняет все дарования и украшает всякого пророка, всякого учителя, всякого апостола, и вообще всякого, кто получил какой-либо дар. И не только это. Всех, кто возвращается после какого бы то ни было греха, пост очищает и приводит к Богу. Ибо это он не только очистил от величайших провинностей праведного мужа, запятнавшего себя блудом и убийством, но и сохранил для него пророческий дар. А когда тот возносил молитву об умирающем дитяти своего блудодеяния, пост опять был его споспешником (2 Цар. 12, 16). Когда же народу Ниневии, весьма грешному, угрожала опасность быть уничтоженным через три дня, он избежал ее не иначе, как с помощью поста. О необыкновенное чудо! О великая сила поста!

Сколь суровое наказание удержал пост, и какую кару отвратил, восторжествовав над пророчеством!

9. А еще удивительнее, что и Христос, подвергаясь искушениям, обратился в бегство искушителя с помощью поста. Поскольку же сообщается, что Христос постился и после крещения, церковь же Христова перед крещением постом очищает оглашенных, то какой из этого можно сделать вывод? Не тот ли, что пост всегда требуется и для предварительного очищения, и для сохранения чистоты? Ибо он очищает готовящихся ко крещению, а уже крещенных соблюдает в чистоте. Христос же сообщает, что пост сильнее даже дарованной Им апостолам власти изгонять злых духов. Ибо Он говорит, что бес, которого не могли изгнать апостолы, *не может выйти иначе..., как от поста* (Мк. 9, 29), показывая преимущество поста над дарованием сил. И я уже не особенно удивляюсь, если постники оказывались могущественнее тиранов и огня, сильнее львов и змей и одерживали верх над бесчисленными врагами (ведь вы, конечно, помните о чудесах Даниила, Сампсона и трех отроков). Ведь отчего же было посту не соблюсти их превыше чувственных страхов, если он соделывает своих последователей страшными даже для бесов, которые превосходят жестокостью всякого тирана и куда опаснее всякого зверя и даже огня?

10. Впрочем, мне не хватит дня, чтобы поведать о всей силе поста, о которой вы, конечно, и сами знаете, ибо с отроческих лет воспитывались на рассказах о ней. Итак, если пост есть столь великий дар, то следовало бы иметь его в качестве пожизненного спутника и в нем проводить жизнь свою, либо постоянно соблюдая его должным образом, либо тотчас же к нему возвращаясь, если он будет нарушен. Поскольку же мы, как с рождения привыкшие питаться досыта, не испытываем привязанности к посту, то давайте хотя бы теперь примем его с радостью, последовав тому, что всегда проповедует церковь. Ведь и сами цари, повинувшись этой проповеди, изгоняют из своих дворцов обычную пищу, весьма благочестиво приглашая вместо нее пост, словно иную царицу небесную, намного счастливейшую и почтеннейшую, нежели само их царство, и способную не только украсить своим присутствием и самую багряницу, и державный венец, но и примирить со всеобщим Владыкой и Царем царствующих, Богом. Ибо нет никого, кто не нуждался бы в посте, коль скоро и Сам Христос, уподобившись нам, прибежал к нему.

11. Все мы получим пользу, если примем пост: целомудренный — чтобы охранять целомудрие, а распутный — чтобы приобрести его; гневливый — чтобы стать кротким, а кроткий — чтобы быть радостным; оскверненный — чтобы очиститься, а чистый — чтобы сохранить чистоту; любостяжательный — чтобы удовлетвориться имеющимся, справедливый — чтобы остаться таковым, павший — чтобы подняться, а стоящий — чтобы стоять нерушимо. Ибо пост становится всем для всех: невоздержному — уздой, любостяжательному — умеренностью, склонному к пьянству — отрезвляющим напитком, трезвеннику — вином целомудрия. Он возвышает низкого, утверждает высокого, озаряет чистого, очищает

нечистого. Короче говоря, всякое благо пост сохраняет и от всякой скверны очищает, будучи всеобщим и пригодным для всех благом. Но разве можно принять пост, не отвергнув решительно роскошь? Ведь чревоугодие не сочетается с постом, как не сочетаются болезнь и здоровье, день и ночь, полнота и пустота. Итак, будем воздерживаться от сытости и пресыщения, из которых, словно из мутного источника, истекает всякое зло. Ибо говорят, что насыщение — отец дерзости, а дерзость — это блуд, нечистота, гнев и все прочие лукавые порождения сытости.

12. И, как воздержание служит к спасению праведных и неправедных, так и пресыщение чрева бывает гибельным не только для дурных людей, но и для достойных. Следует же это вот откуда: Ной был праведным и совершенным человеком, но, напившись по незнанию вина, оказался безобразным (Быт. 9, 21). Точно так же и Лот, в остальном праведный, от недопустимых связей породил аммонитян и моавитян (Быт. 19, 31–38). Израильский же народ, возглавляемый Богом и Моисеем, наевшись и напившись досыта, *встал играть* (Исх. 32, 6). Что же говорить о самых негодных людях, до сих пор остающихся притчей во языцех из-за своей невоздержности? Об Исаве, продавшем право первородства за чечевичную похлебку, величайшее достоинство за презренное кушанье? Или об иудеях, которые сначала пали в пустыне из-за своей любви к мясу, а потом обожествили чрево, и, согласно обвинению пророка, называющего это содомским делом, *сластолюбствовала в сытости хлеба* (Иез. 16, 49)? Итак, будем хотя бы теперь держаться поста, избегая их невоздержания и следующей за ним всеобщей гибели.

13. Под постом же надлежит понимать не только воздержание от мяса и рыбы, ибо можно не есть ни того, ни другого, и всё же насыщаться и наслаждаться изобилием, а отсюда скатиться к крайнему пороку. Примером тому люди, жившие до потопа, которые не ели мяса и не пили вина, ибо употребление мяса еще не допускалось, а употребление вина не было изобретено, и всё-таки дошли до такого безумия, что дерзость их можно было смыть только потопом. Но пост есть воздержание от пищи и питья в течение более долгого времени, нежели обычно, так что один питается через четыре дня, другой через три, иные же через два дня, через день или, по крайней мере, после захода солнца.

14. Однако даже и тогда не следует есть до сытости или сворачивать с пути поста к разнузданному и всепожирающему пресыщению, чтобы, отдохнув ненадолго от воздержания, потом снова приниматься за усердный пост. Ведь тот, кто от крайнего голода переходит к крайнему пресыщению, а потом снова готовится состязаться в воздержании, *незаконно подвизается* (2 Тим. 2, 5) на ристалище поста, потому что впадает из крайности в крайность, а всякие внезапные и доходящие до предела перемены опасны. И потом, какая польза от поста, который внезапно искажается насыщением, или, вернее, сам прокладывает путь чревоугодию? Зачем ты стесняешь несчастный желудок постом, а затем заставляешь его раздуваться от пресыщения? Ведь это подобно тому, как если бы ты, осушив овраг,

потом затопил его потоком воды, и так много раз подряд. Ибо от поста полезно сжиматься, *яко мех на слане* (Пс. 118, 83), который, будучи пустым, уменьшается в объеме; так какой же смысл, не успев сжаться, вновь раздуться от пресыщения, чтобы лопнуть, как тот же мех, переполненный бродящим сусликом? Тем более, что мудрец советует и вообще остерегаться насыщения, говоря: *Ниже прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15). Так не хватало еще насыщаться во время, предназначенное для воздержания и поста, уничтожая благо поста обращением к его противоположности, то есть насыщению.

15. Поразмысли и о значении слова «насыщение» (*χορτασία*), происходящего, как я думаю, от «травы» (*χόρτου*), которая, по словам Давида, прозябает в пищу скотам (Пс. 103, 14). Так что и самое имя насыщения говорит нам о том, что пресыщение яствами есть нечто скотское, а не человеческое, в то время как воздержание свойственно только человеку, ибо только он обладает разумом, удерживающим от неразумных страстей, не только чревоугодия и гортанобесия, но и гнева, и ярости, и печали, и похоти, и жажды славы и денег, и всего прочего. Ибо можно говорить о воздержании и невоздержности не чрева только, но и похоти, и гнева. Посему пост начинается с упражнения в воздержании от более телесных страстей, то есть свойственных чреву и срамным членам, а затем переходит к гнездящимся в глубине души, подражая в своем человеколюбии врачебной науке, которая, очищая сперва чрево, затем переходит к освобождению тела от излишних соков.

16. Но только врачебная наука применяет все эти хитрые приемы, заботясь о телесном здоровье болящего, которое является временным благом, да и вовсе не должно так называться, если, конечно, не приносит человеку ничего хорошего. Ибо многим, напротив, весьма помогает болезнь. То же самое относится и ко всем так называемым промежуточным ценностям, то есть бедности и богатству, медицине, риторике и противоположной ей диалектике. Ибо каждая из них несколько не менее служит орудием зла, нежели добра, так что добродетельный человек пользуется богатством и здоровьем для совершения добрых дел, дурному же они служат не для какой-либо здоровой цели, но для дерзости и сладострастия. Так и бедность доброго человека побуждает к любомудрствованию, а лукавого — к коварству. Точно так же риторика и диалектика, используемые добродетельными и дурными людьми для противоположных целей, сообщают большое правдоподобие их словам. Пост же заботится о душевном здравии, то есть бесстрастии; бесстрастие же, или, по крайней мере, умеренность в страстях, возвращают нас к подобию Божию. Итак, насколько же больше внимания надлежит уделять посту, нежели медицине, насколько выше то благо, о котором он заботится.

17. Впрочем, подобно тому, как мы сказали о перечисленных промежуточных ценностях, что те становятся орудиями добра или зла согласно выбору того, кто пользуется ими, так и посту, оказывается, не всегда предаются с какой-либо полезной целью, но иногда и ради совсем противоположного. И пусть никто из вас не воз-

мущается, недоумевая о смысле сказанного, ибо речь моя в дальнейшем рассеет пелену кажущейся бессмыслицы. Впрочем, вам и вовсе не следовало бы возмущаться, зная, что и *закон свят, и заповедь свята* (Рим. 7, 12), но когда пришла заповедь, — говорит апостол, — *я умер* (Рим. 7, 9–10), так что грех становится крайне грешен потому, что *посредством доброго причиняет мне смерть* (Рим. 7, 13). Вспомните и о том, что Спаситель *лежит* не только на *восстание*, но и на *падение* многих (Лк. 2, 34), а прежде всех сих речений — о древе познания, посаженном в раю в качестве упражнения в жизни и смерти. Так и пост одним служит орудием спасения, а другим — погибели.

18. Однако о тех, для кого он стал благим соратником в наилучших делах говорить было бы, пожалуй, излишне, ибо их тьмы, так как пост является по большей части правым оружием. Мы же сошлемся на пример кое-кого из тех, кто, переложив пост в левую руку, предавался ему ради совершения какого-либо злого дела. Первые из них — это убийцы Навуфея; ибо сказано, что они *нарекоша пост, и посадиша Навуфея в начале людий, и приидоста два мужа, сынове законопреступных..., и засвидетельствоваше на него..., глаголюще: сей благослови Бога и царя. И изведоша его вон из града, и побиха его камением, и умре* (3 Цар. 21, 12–13). В апостольских же деяниях опять-таки написано, что *Иудеи сделали умысел, и заклились не есть и не пить, доколе не убьют Павла* (Деян. 23, 12). Видите пост, о котором не заботятся ради жизни, но предаются ему ради смерти? Послушайте и еще об одном его виде, тоже иудейском, который обличает Бог, говоря: *Не сицеваго поста Аз избрах* (Ис. 58, 5). А перед тем объясняется, что это за пост: *Во дни бо пощений ваших обретае воли ваша, и вся подручныя ваша томите; аще в суде и сварех поститесь и биете пястми смиреннаго, вскую мне поститесь?* (Ис. 58, 3–4). Не безвестен вам, полагаю, и тот пост, который укрывает лица лицемеров, но в ином смысле укрывает от них и награду, уготованную за настоящий пост, ибо они предаются ему, *чтобы показаться людям*, и потому *уже получают награду свою* (Мф. 6, 16). Итак, изо всего этого явствует, что бывают и явные примеры поста, недостойного похвалы.

19. Мы же не будем превращать оружие правды в оружие греха, а пост, узаконенный ради благой цели, не должен служить нам предлогом к чему-либо дурному: лицемерной мрачности, а не евангельскому веселию; гордости, а не скромности; уныния и робости, а не уверенности в истине слов Божиих. Будем поститься не ради осуждения и ссор, но ради того, чтобы иметь мир и в своей душе, и, если возможно, по отношению ко всем людям. Ибо если помощник в деле спасения становится помощником в деле погибели, то какая же нам остается надежда? Как говорится, «если вода причиняет удушье, то что же тогда пить»⁶? Ибо другого искупления мы не найдем. И какой сможем дать выкуп за свою душу, если продадим пост, лучшую часть покаяния? Не будем же обращать дни милости в дни ожесточения, и, оставив заботу о пище, предаваться иным дурным занятиям. Но соединим с постом молитву, чтение, молчание; очистим уста воздержанием

не от яств только, но от осуждения, клеветы, дерзости, срамословия, пустословия, шутовства. Ибо, когда нечто подобное исходит из уст, то *оскверняет человека* больше, чем запретные яства (Мф. 15, 11).

20. Именно это обнаруживает Павел, называя скверные глаголы *гнилыми словами* (Еф. 4, 29). А что же может быть сквернее или неприятнее гнили? И какая нам польза от поста, если мы не позволяем устам вкушать пищу, но оскверняем их гнилыми словами, бранью, клеветой, шутками или празднословием, которые, хотя и по-иному, но оскверняют и уста, и язык, так что те не могут в чистоте прикоснуться к чистым Христовым таинствам? Ибо грязным делам свойственны грязные слова, а чистым — чистые, поскольку слово, как говорят, является тенью дела и позволяет ясно судить о нем. Более того, Господь говорит, что слово *проистекает из сердца, ибо от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34).

21. А каков истекающий через уста избыток, тем же самым, конечно, наполнено и сердце, так что по потоку можно судить о его источнике. Итак, будем планомерно приближаться к совершеннейшему очищению, воздерживаясь не только от пищи и питья, но и гнилых бранных слов; воздерживаясь же от дурных слов, заставим засохнуть и глубинные помыслы, истечением которых они являются. Ведь, в сущности, именно дурные помыслы *оскверняют человека* (Мф. 15, 11). Да и как может иссякнуть поток, если не осушить источник? Источником же наших дурных слов и деяний являются таящиеся в глубине души помыслы, то есть дурная похоть, убийственная ярость, любостыжательное стремление, злоба, убийство. И если мы не очистимся от этого и всего подобного, и не сделаем свое сердце непорочным, то умрем как люди, названные сынами Божиими, которым обещано жительство на небесах и которые много раз в день молятся о пришествии царствия Божия (Мф. 6, 10). Однако мы не показываем никаких дел, достойных всего этого, ибо, как бы забыв о тамошних благах, прилежим к здешним. И хотя Христос ежедневно призывает нас обратиться к Нему ввысь, ибо Он не считает недостойным постоянно напоминать об этом в Евангелиях, мы, будучи жестокосердными, стремимся доле.

22. Как же мы, запечатленные кровью и именем Христа, отстаем от Него и присоединяемся к лукавому миродержцу? Ибо Спаситель, улаживая алчущих и жаждущих, призывает к терпению и стойкости; супостат же предлагает думать и говорить вот что: *«Душа! много добра лежит у тебя..., ешь, пей, веселись»* (Лк. 12, 19). А также: *«Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»* (1 Кор. 15, 32). Господь приказывает взглянуть на лилии и птиц (Мф. 6, 26–28), чтобы с их помощью взлететь к богатству промысла Божия, не терзая себя заботами об одежде и питии; враг же, подстрекая к неверию, предлагает *сломать житницы и построить большие* (Лк. 12, 18) и облечься в роскошные одежды. Господь устанавливает закон делиться своим имуществом, а враг побуждает к расхищению чужого. Один учит братолюбие, а другой вооружает брата против брата. Один уводит от настоящего и направляет ко грядущему, другой же, напротив, лишает надежды на грядущее и

пригвождает к настоящему. И вообще, нет такого божественного законодательства, противного которому не предложил бы враг, ибо оттого он и называется сатаной, то есть противником, что противится Богу и делам Божиим, как тьма свету. Но вот что всего хуже: он, будучи тьмой, кажется погибающим людям заслуживающим большего доверия, нежели свет: *Люди более возлюбили тьму, нежели свет* (Ин. 3, 19). Итак, если мы пренебрегаем заповедями Христовыми и следуем заветам лукавого, то чьими же сторонниками и рабами нас можно назвать? Не ясен ли ответ, хоть я и не произнесу его, страшась богохульства?

23. Но доколе же, други и братья, мы будем соблазняться приманкой? Доколе будем допускать помрачение своих помыслов, не поднимая взора к лучам истины? Познаем естество настоящего мира, ибо то, ради чего сражаются люди, есть тень, призрак, прах. Ничего из этих вещей нельзя удержать, ибо они быстро улечиваются, исчезают, пропадают. Разве есть среди них что-то устойчивое и постоянное? Красота ли, богатство, слава и роскошь, которые совершенно истребляются завистью, болезнью или временем? *Где суть, — говорит Писание, — князи язычестии, и владеющии зверьми сущими на земли, играющии птицами небесными, и хранящии золото и серебро, на неже уповаша человецы, и несть конца стяжанию их, яко делающии серебро и пекущиися, и несть изобретения дел их? Погибоша и во ад снидоша* (Вар. 3, 16–19). Так и божественный Захария спрашивает у тех, кто, не помня о смерти, полагал, что будут жить бесконечно: *Отцы ваши где суть и пророци? Еда во век поживут?* (Зах. 1, 5). Вот как подвластно смерти и тлению житие наше, так что все мы, показавшись ненадолго⁷, должны будем скрыться, и ничего не сможем взять с собою, кроме добрых или дурных дел, которые совершили. Ибо мы покидаем этот мир точно так же, как пришли в него, свободными от всяких денег и имений, но окружив свои осужденные на муки души совершенными из-за этих вещей грехами, которые станут неопровержимыми обвинителями нашей нерешительности и суеты. И нет иного способа смыть их или положить им конец, если мы не успеем прежде своего исхода из жизни вычеркнуть их покайнием. Ибо здесь можно начертать лукавые знаки, здесь же и вычеркнуть; но если они, начертанные в наших душах, переживут смерть, то пребудут вовек, и не потерпят ущерба от огня геенны, но сохранятся навсегда.

24. Однако знаки эти, несмываемые в будущем, ныне легко смыть тонкими ручейками слез, биением себя в грудь и немногими днями поста, но главное — воздержанием от дурных дел и милостыней для бедных, если она будет течь более щедро, чем позволяют соображения обогащения. Ибо Бог не требует чего-либо, превосходящего нашу силу, как говорили в своем заблуждении некоторые из древних: *В чем постигну Господа, срящу Бога моего вышняго? Срящу ли его со всеожжением, телцы единоголетными? Еда приимет Господь в тысящах овнов, или во тмах козлищ тучных? Дам ли первенцы моя о нечестии моем, плод утробы моя, за грехи души моя?* (Мих. 6, 6–7). К ним-то и взывает пророческий глас: *Возвестися бо тебе, человеце, что добро, или чесого Господь ищет от тебе, разве еже тво-*

рити суд и любити милость и готову быти еже ходити с Господем Богом твоим? (Мих. 6, 8). О безграничное человеколюбие! О легкость спасения! Не всесожженный тельцов требует Бог, не тысяч овнов, не тьмы козлиц, и, самое главное, не принимает *плод утробы*, то есть детей, в качестве приношения за грехи души. Но что же считается великолепнее этого? *Творити суд и любити милость и готову быти еже ходити с Господем Богом.*

25. Ибо каждый может творить суд, пусть ему и не досталось судейского места. Но когда пожелаешь ты чужое поле, или жену ближнего, или дом его, тогда сделайся судьей, и суди свои помыслы, обвиняющие и защищающие друг друга, согласно закону, запечатленному от природы на скрижалях сердец наших. Разумею тот закон, который и Владыка Христос возвестил в следующих словах: *Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Ты хочешь, чтобы другие любили тебя, хвалили и хорошо с тобой обращались? Являй и сам такое же отношение к другим. И опять-таки, ты не хочешь, чтобы тебя оскорбляли, или отнимали поле, дом, жену или скот? И сам не обижай другого. И если так судит суд твоей совести, значит, ты творишь правду и приближаешься таким образом к тому, чтобы *любити милость*. Ибо уклонение от зла есть путь ко благу, как и избавление от болезни — обретение здоровья. Итак, избегая несправедливости, ты возлюбишь милость, а пока творишь несправедливость, не будешь миловать.

26. Ведь вещи эти противны друг другу, и невозможно, чтобы их состояния одновременно присутствовали в одной и той же душе. Несправедливость есть стремление к чужому, а милостыня — раздача своего. Первая, подобно Соломоновой *пиявице*, жаждет человеческой крови и не может насытиться (Притч. 30, 15), вторая же не может видеть даже истечения человеческих слез. Первая собирает богатство дурными средствами, и потому не расточает его; вторая же собирает хорошо, но расточает еще лучше. Первая *жнет, где не сеяла* (Мф. 25, 24), вторая же сеет большими пригоршнями. Первая за свою жадность заслужила всеобщее проклятие, а вторая у всех в чести, ибо *драг муж творяй милость* (Притч. 20, 6). Так как же может душа быть расположенной к тому и другому? Ведь это всё равно, как если бы один и тот же предмет одновременно сделался прохладным и горячим, или черным и белым, или сладким и горьким. Итак, заблуждаются и вводят в заблуждение других те, кто, захватывая чужое имущество, потом часть похищенного посвящают Богу или отдают нищим. Ибо это не милостыня, которая, согласно божественному глаголу, приносится *от праведных трудов* (Притч. 3, 9), а отрывка после неправедного насыщения, дурно пахнущая и издающая запах любостяжания. Ты, любезный, пожалуй, и львов назовешь милостивыми, поскольку они бросают для меньших хищников остатки своей добычи⁸. Любящий беззаконие не может в то же время возненавидеть душу свою и человеколюбиво миловать ближнего, или же пожирать вместо хлеба того, кого мог бы и накормить, когда тот голодает.

27. Ибо Закхей, который был начальником мытарей и человеком несправедливым, спасся потому, что не только поделился имуществом, но *воздал вчетверо, если кого чем обидел*, и не просто раздал *половину имения своего* (Лк. 19, 8), но великодушно вернул и чужое. И по справедливости он удостоился спасения, так как не только разделил свое богатство между нищими, но и вчетверо возместил обиженным их обиды. А если бы он сохранил чужое, как свое, не отдав и не вернув совсем ничего, или какую-нибудь малость, то не услышал бы: *Ныне пришло спасение дому сему*, и не был бы назван сыном Авраамовым (Лк. 19, 9). Ибо фарисеи и саддукеи, считавшие своим отцом Авраама, были названы *порождениями ехидниными*, так как Господь говорит: *Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы* (Ин. 8, 39). Закхей же является и называется чадом Авраамовым потому, конечно, что творил дела Авраамовы. Ибо некогда Авраам, сидя под дубом, узрел Бога, а потом и Закхей, взобравшись на смоковницу, опять-таки увидел Христа; и как патриарх поспешил в скинию, чтобы приготовить Ему прием, так и Закхей поспешно спустился и принял Его. Рад был Авраам увидеть день Господень, и увидел, и возрадовался; так и Закхей *искал видеть Иисуса* (Лк. 19, 3), и увидел, и с радостью принял Его. Вот как Закхей явил себя истинным сыном Авраамовым, ибо поднялся до авраамовой доброты, и воспринял благородство Авраамова человеколюбия.

28. Будем подражать ему и мы, чтобы стать сыновьями Авраамовыми, походящими на отца своим боголюбием и гостеприимством. Будем *искать видеть Иисуса*, очистив или очищая сердце свое, ибо *чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5, 8). Ибо нам, по причине малости нашего духовного роста и благодати, не позволяется *видеть Иисуса*; однако, если мы пожелаем, то возвысимся своей добродетелью, и тогда увидим Спасителя. Спаситель же увидит нас, если только мы поспешим с радостью принять Гостя, почтив Его не только приемом, но и раздачей собственного имущества и возвращением чужого. И тогда мы услышим: *Ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19, 9).

29. Принять же Христа можно и бесчисленными другими способами, но прежде всего — оказывая гостеприимство бедным. Ибо если мы собираем странников, кормим алчущих, поим жаждущих, одеваем нагих или посещаем больных и заключенных, то подражаем Закхею, с радостью принимая Христа. Затем, если мы богаты имуществом, свободным от примеси любостяжания и чистым, то истине *слава и богатство в дому нашем* (Пс. 111, 3), и мир Христов, найдя наши жилища достойными, вселится в них; если же среди богатства нашего гуляют злые духи несправедливости, то не услышим: *Ныне пришло спасение дому сему*, пока не раздадим свое достояние бедным и не отплатим во много раз за чужое. Ибо сказано: *Подавайте милостыню..., тогда всё будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). И еще: *Милостынями и верами очищаются греси* (Притч. 15, 27). Итак, *уклонимся от зла и сотворим благо* (Пс. 33, 15), и *предварим лице Господа во исповедании* (Пс. 94, 2). Пока еще пребываем в сей жизни, будем смывать пятна, поставленные ею.

30. Ныне *время благоприятное* (2 Кор. 6, 2) для покаяния, ныне [Господь] принимает припадающих к Нему и приближается к кающимся. Сейчас можно и стнать, и плакать, и смирять себя постом, и умиловать Владыку благотворением и молитвой. А после смерти уже не будет исповеди, но только престол Судии да адское пламя. Пройдет еще немного времени, и как мы захотим вернуться назад, но не сможем! Сколько будет напрасных стонов, сколько плача! Разве не слышали вы о том богаче, что *каждый день пириествовал блистательно* (Лк. 16, 19) и пренебрегал лежавшим у ворот Лазарем? Разве он не просил жалобным голосом Авраама, чтобы тот послал Лазаря, который бы своим пальцем облегчил его жар? Что же, умолил ли он гостеприимного и человеколюбивого Авраама, склонил ли к милости, достиг ли освежающего прикосновения? Ничуть. Вместо этого он вовек пребывает в мучении, куда был ввергнут однажды, не удостоившись прикосновения даже кончика пальца. Итак, если нельзя облегчить тамошнюю муку, то еще труднее (или, вернее, вовсе нельзя) говорить об избавлении от нее. Ибо право это принадлежит нынешнему веку: сейчас можно смягчить тамошние мучения по мере добровольного злострадания здесь или же вовсе избавиться от них, для чего, конечно, необходимо совершенное очищение. Ибо чем больше у нас грехов, тем больше топлива получает тамошний огонь, которому они служат вместо травы, тростника и дров. И наоборот, избавляясь от своих грехов покаянием, мы усмиряем будущее пламя; если же совсем уничтожим их, то совершенно угасим и подпитываемый ими огонь.

31. Когда же нам заниматься этим? Когда, если не теперь, при свете поста, который рассеивает примесь мрака в наших помыслах, позволяя нам ходить благообразно, как днем, и отвращаться дел тьмы, и убеждает всех, не вполне отчаявшихся в своем спасении, смыть в течение этих немногих дней грехи всего года или даже всей жизни? Ведь разве трехдневный пост ниневитян не уничтожил прегрешения многих лет, не сделал праздным пророчество, не остановил суровость божественного приговора? Однако нужно отметить, что совершить такое может не простое воздержание от пищи, но воздержание и от грехов. *И виде Бог дела их, яко обратишася от путей своих лукавых, и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворить им* (Иона 3, 10). Итак, пусть увидит Бог и наши дела, когда мы отвратимся от путей своих лукавых. А обращение такое состоится, если блудный больше не будет блудодействовать, любостыжательный — творить несправедливости, хулителъ — сквернословить, клеветник — завидовать, тщеславный — жаждать славы, пьяница — вина, братоненавистник — убивать брата, а ростовщик — давать деньги в рост. Уклонившись же от этих лукавых путей, будем совершать путь по прямым и благим: целомудрию, правде, приличию в речах, любви, смирению, воздержанию, доброте. Если такие наши дела увидит Бог, то и Он *раскается о зле, которое обещал сотворить нам*.

32. Ибо я знаю два чина спасающихся: первый из них — это те, кто пребывал во благе в течение всей жизни, а второй — те, кто пал, но тотчас же вернулся на

путь истинный с помощью покаяния. Ведь и сами вы, конечно, слышали ту евангельскую притчу, в которой выводятся двое сыновей некоего человека. Один из них, старший, постоянно находился с отцом, младший же, забрав отцовское наследство, *пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно* (Лк. 15, 13), после чего вновь соединился с отцом. Итак, если кто, держась образа мыслей старшего сына, постоянно находится с Богом и отцом, пусть сидит недвижимо на своем месте, и, не покидая духовного лона, в нем получает отеческое наследие, то есть возможность пребывать вместе с отцом. О таком написано, что *ходяй в правде, глаголяй правый путь, ненавидяй беззакония и неправды и руке отрясаяй от даров; отягчаяй уши, да не услышит суда крове; смежаяй очи, да не узрит неправды, сей вселится в высокой пещере камене крепкаго* (Ис. 34, 16), то есть Христа, будучи наследником Божиим и сонаследником Христовым.

33. Тот же, кто, рассуждая наподобие младшего сына и отказавшись от Родителя, расточил данное Духом богатство, то есть любовь, радость, мир, великодушные, доброту, освящение, и, *живя блудно*, пас свинские похоти, пусть не голодает до конца, но *придет в себя* и вернется к прежнему благородству; ибо отец примет тебя с радостью, оденет в прежнюю одежду и руки украсит перстнями, а на ноги даст обувь. Первое символически означает, что кающийся получает залог будущего спасения ради чистоты рук, достигнутой покаянием, а второе — что его ноги больше не подвергнутся укусам ядовитых животных. Вернувшийся же пусть более не становится отступником, ибо иначе он снова умрет и пропадет, и кто знает, оживет ли и найдется в другой раз? Ведь страшит меня пример жены Лота, которая, обернувшись назад, сделалась соляным столпом. Если она, однажды обернувшись, превратилась в камень, то что же грозит тому, кто многократно принимается за прежний порок, и, как пес, то и дело *возвращается на свою блевотину* (2 Петр. 2, 22)? Ибо если соль, то есть покаяние, ослабленная постоянным возвращением ко злу, потеряет силу, то *чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна* (Мф. 5, 13). А покаяние можно назвать солью потому, что оно предохраняет от опасности греховного гниения тех, кто начал было склоняться к тлению.

34. Ибо отец человеколюбив и чадолюбив, так что принимает отступников каждый раз, как они покаются. Однако учти вот что. Во-первых, час кончины неизвестен: ведь *если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего* (Мф. 24, 43). Мы видим, сколько младенцев смерть похищает ежедневно, сколько отроков срезает раньше времени, сколько взрослых губит внезапно, и не страшимся неожиданной кончины, не принимаемся тотчас каяться, как те, кому осталось жить не более одного дня, но тратим это время, данное Богом для покаяния, на тщету и ложные увлечения и, весьма неосторожно воображая, что проживем долгую жизнь, откладываем покаяние до глубокой старости.

35. Итак, во-первых, как сказано, надлежит учесть внезапность смерти, и устра-

шиться того, как бы она не настала прежде покаяния, а во-вторых — укоренившуюся привычку ко греху, которая, проникая в наше естество, обладает силой ожесточать сердца и намертво пригвождать их ко злу, так что подверженный ей не может с легкостью избавиться от него покаянием. Ведь грешник никогда не насыщается грехом и потому не может от него отказаться из-за своей пресыщенности, подобно тому, как упомянутый блудный сын, пася свиней, *рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему* (Лк. 15, 16). Свиньи же — это, возможно, нечистые бесы, которых мы, страстные люди, пасем в грязи наслаждений, так что желаем насытиться этих последних, но не можем.

36. Ибо распутный пасет беса блуда среди плотского сладострастия, которым хочет насытиться, но не может. Ведь скольких мы знаем глубоких старцев, которые не в состоянии ни насытиться подобной страстью, ни совершенно от нее отказаться? Так и ненасытный, пасущий духа гортанобесия, даже насытив сладострастие своего вкуса, не может после этого остановиться. Что же любостыжательный? Ведь и он пасет ненасытную свинью, и разве может напиться? Ничуть. А славлюбивый, или любящий еще что-нибудь такое? Вот как ненасытно вошедшее в привычку страстное стремление, и вот как сложно от него избавиться. Мы же должны учесть это и остерегаться длительного общения со злом, а впад в бездну порока, не пренебрегать этим, а возвращаться на отеческий двор с помощью покаяния, покуда мы, прилепившись к дурному, не позабыли думать о возвращении.

37. Нет никакого препятствия, если захотим только, ибо от нас зависит — спастись или не спастись. Ибо сказано: *Се, дах пред лицом твоим днесь жизнь и смерть, благо и зло. Аще послушаеши заповедий Господа Бога твоего, яже аз заповедаю тебе днесь, любити Господа Бога твоего, ходити во всех путех Его и хранити оправдания Его и заповеди Его и суды Его, и поживеши, и умножишиися... И аще превратится сердце твое, и не послушаеши..., возвецаю вам днесь, яко погубелию погубнете* (Втор. 30, 15–18). Итак, в нашей воле избрать жизнь или смерть. Потому-то и уготовано для тех, кто склоняется в ту или иную сторону, справедливое и подобающее им воздаяние; ибо порок и добродетель зависят от нашего произволения, и потому первый заслуживает порицания, вторая же — восхищения. Если же мы склонялись бы к пороку или добродетели от природы, или же по причине какой-то необходимости либо случайности, то нас не хвалили бы за одно и не наказывали за другое. Ибо кто же хвалит огонь за его стремление вверх, или бранит воду за то, что она течет вниз, если таково необходимое движение, назначенное природой каждому элементу?

38. Итак, поскольку в нашей воле лежит творить благо и оставить его, а также вновь вернуться от зла к благу, то для такого возвращения довольно лишь нашего желания. Ибо не следует обвинять природу, как будто она нас притесняет, или сообщника во зле, словно он принуждает нас к чему-либо. Даже укоренившаяся привычка к пороку не в состоянии удержать того, кто всей душой желает пока-

яния. Ибо кто погибал хуже блудного сына? Но он захотел вернуться, и тотчас вернулся, и ему не помешало ни пребывание в дальней стране, ни житель той страны, насильно удерживавший его при своих полях и том лукавом стаде, так что он беспрепятственно устремился к отеческой свободе. Итак, достаточно захотеть и не ожесточать своего сердца, но прислушаться ко гласу Божию, который то угрожает, то наставляет, то увещевает, то бранит, порицает, обещает, наказывает, испытывает, устрашает словами Моисея, пророков, евангелистов, учителей, и чего только не говорит такого, что должно было бы обратить душу к любви и страху Божию. Однако все слова пропадают впустую и все усилия остаются напрасными из-за того, что мы залепляем уши, подобно аспидам (Пс. 57, 5–6), лишь бы не услышать сих спасительных напевов.

39. Однако, братия, если мы и поступали так раньше, то хотя бы теперь, по слову блаженного Давида, послушаем этого гласа, и не будем ожесточать свои сердца, чтобы не лишиться обещанного упокоения. Ибо именно это случилось с иудеями, по пути из Египта в Палестину. Бог, избавив их от египетского рабства, должен был препроводить их в землю, *кипящую молоком и медом* (Исх. 3, 8), они же, то вспоминая о египетских котлах с мясом, то раздражая Бога спорами о воде, то искушая Его *вопросити брашна душам своим* (Пс. 77, 18), не увидели земли обетованной, но погибли, блуждая в пустыне. Поскольку же это написано ради нашего наставления, то устрашимся, как бы и с нами не вышло того же. Ибо и мы, покинув свое райское отечество, пришли в Египет, то есть настоящую жизнь, и здесь служим лукавому тирану, который влечет нас то на одни, то на другие тщетные постройки, да к тому же вынуждает страдать, словно *брением и плинфodelанием* (Исх. 1, 14), из-за этого скудельничьего тела, и посылает с помощью лукавых надсмотрщиков собирать сгорающую в огне солому (Исх. 5, 7).

40. Бог же милости милует нас, претерпевающих такие страдания и находящихся в несправедливом рабстве, и, желая избавить от здешних трудов, говорит: *«Встаньте, пойдём отсюда»* (Ин. 14, 31). Итак, послушаемся благого Бога, призывающего нас к упокоению там, куда Он вошел в качестве нашего предшественника. Оставим Египет и египетские пороки, убежим от тирана-поработителя. И пусть не привлекают нас котлы с мясом и прочее сладострастие, но, поразмыслив о *бреении и плинфodelании*, и прочих мучениях, распрощаемся с этим мясом и этими котлами. Пройдем *тесным и узким* (Мф. 7, 14) путем, словно иной пустыней, ибо *узок путь*, но выводит на широкую равнину покоя. Если возжаждем, не станем роптать, подобно тем непокорным; если проголодаемся, не станем искушать Бога *вопросити брашна душам своим* (Пс. 77, 18), ибо *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

41. Ведь в высшей степени странно, если Иудеи, претерпев в пустыне великие бедствия, таким образом едва смогли войти в землю обетованную и вкушать ее благ, а мы бы удостоились воцариться со Христом и вкушать вечных благ, ничуть не потрудившись и не последовав Христу по мере сил своих. Как воцаримся вме-

сте, если не страдали вместе? Как мы, не умершие со Христом, будем жить вместе с Ним, если не взалкаем, не возжаждем, не восплачем, не сделаемся нищими духом? Как сможем насытиться, возрадоваться и обрести царствие небесное? Взглянем мысленно на лики спасенных, и посмотрим, разве кто-нибудь, склонных к сладострастию и роскоши, был причислен к праведным? Кто из пророков или иных блаженных мужей не миновал *тесные врата* скорбей? Какой апостол, учитель или подвижник не прошел *сквозе огонь и воду* (Пс. 65, 12)? Или им невозможно подражать? Но как же божественный Павел говорит: *Подражайте мне* (1 Кор. 4, 16)? И Сам Христос: *Научитесь от Меня* (Мф. 11, 29).

42. Так что же? Мы не удостоимся даже второй доли, принадлежащей тем, кто спасается через покаяние, и не захотим уподобиться кающимся грешникам? Не будем подражать покаянию претерпевших случайное падение праведников? Не будем поститься, как ниневитяне, и не обратимся *от путей наших лукавых*? Не возвратимся, как блудный сын, не прольем слезы, как блудница, не будем стенать, как мытарь, не покаемся, как Давид, не заплачем, как Петр? Или и это превыше наших сил и способностей к подражанию? Тогда какая же остается нам надежда на спасение, если подвигам святых мы подражать не можем, а делам кающихся — не хотим? Или вы полагаете, что спасения удостоятся и те, кто никогда не переставал грешить, но сделал свою смерть общим концом жизни и греха? Но где же написано такое? И кто же настолько глух ко гласу духовной трубы, чтобы не внимать ее столь громкому звучанию: *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10)? И еще: *Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют* (Гал. 5, 19–21).

43. Слышите, как нелживые уста Христовы объявляют недостойными Царствия Божия тех кто, творит дела плоти и не обращается к духу с помощью покаяния? Итак, устрашимся, братия, слыша столь грозные слова и веря им, и не будем заблуждаться, считая себя сынами Царства и творя дела, достойные геенны. Не будем уповать и на одну веру, которую апостол назвал *мертвой*, если она лишена дел (Иак. 2, 17), но, оживляя веру делами, таким образом придем к твердому упованию. Не будем и совершенно разочаровываться в себе, если споткнемся на каком-либо прегрешении, ибо как тем, кто, по-видимому, стоит прямо, надлежит остерегаться падения, так и падшим — помнить о том, чтобы встать.

44. Ведь человеческие дела превратны, и не пребывают постоянно в том же положении. Сейчас человек стоит прямо, а спустя немного времени падает; другой же, падший, восстает вновь. Стояли некогда иудеи, но, отвергнув жизнь свою, лежат на земле, однако восстанут вновь, согласно пророчеству Павла. Лежали, на-

против, язычники, но уверовали и восстали. Ученик сделался предателем, а разбойник — богословом. Стоял Петр, первоверховный апостол, и защищал Господа с мечом, но отрекся от него и пал, словно некий передовой боец в битве, а потом, *горько заплакав* (Мф. 26, 75), восстал от падения. И, опять-таки, лежал Павел, будучи преследователем, но, познав Того, Кого гнал, тотчас же восстал, восстав же, не дерзал думать, что больше никогда не падет, но, говорит, *усмиряю и порабоцую тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не оказаться недостойным* (1 Кор. 9, 27). Так что нет прямоты, не подверженной падению, и нет неисправимого падения. Зная об этом, тот, кто стоит (если, конечно, такой найдется), пусть остерегается, как бы не пасть; падший же пусть восстанет, услышав пророческий глас: *Приблизитесь горам вечным; восстани и пойдди, яко несть тебе сей покой* (Мих. 2, 9–10). Под горами же вечными некоторые подразумевали силы ангельские, как мне кажется, по причине того, что они находятся превыше всего чувственного и низкого и покоятся в Боге, так что их в первую очередь озаряет солнце правды. Стало быть, Михей призывает нас уподобляться силам ангельским, в той мере, конечно, насколько это возможно для человека.

45. Итак, если мы с помощью поста избавимся от излишества плоти, так что тело сделается из дебелого тонким, то мы уподобимся бесплотным, как имеющие немного плоти. Ведь как люди с тучной плотью далеко отстоят от бестелесных, так и, наоборот, сделав свое тело тонким благодаря посту, мы могли бы приблизиться к ним. Затем, Христос говорит, что те, кто *ни женятся, ни выходя замуж, пребываю, как ангелы на небесах* (Мф. 22, 30). Итак, если мы будем соблюдать девственность и целомудрие, то и в этом приблизимся к силам небесным; если же избавимся от всяких земных мыслей, имея *жительство на небесах* (Флп. 3, 20), то окажемся к ним еще ближе. Исполнять же всё это удобнее всего сейчас, ибо время это Бог учредил как прообраз божественной жизни, чтобы мы, приучившись к нему, как к некоему образцу, оказались подготовлены и к Царствию небесному. Ибо, как в Царстве небесном не будет еды и питья, так и в нынешнее время надлежит пренебрегать яствами и питием; и как людям, когда они, подобно ангелам, поселятся на небесах, будет свойственно чистое безбрачие, так и ныне предписано воздерживаться от супружеского общения *по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5). Когда *образ мира сего* пройдет (1 Кор. 7, 31), то *имеющие жен* будут, как *не имеющие* (1 Кор. 7, 29); так и теперь, когда все преобразуются ради небесного освящения, *имеющие жен* забывают об общении с женским полом, как не имеющие. И тогда мы постоянно будем вместе с Господом; ныне же соединимся с Ним хотя бы в непрестанных молитвах, мысленно покидая сей мир.

46. Таким образом, время поста явлено в качестве прообраза тамошнего Царствия. Потому-то, мне кажется, и Христос говорил: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), что можно и в тленном теле положить начало тамошней жизни, если только человек изучит законы, содержащие начертание Царствия Божия, и

исполнит их, вернув себе благородство первородных людей, чье отечество было на небесах. Ибо таковой уже вписан в списки небожителей, и, ходя по земле, головой утвердился на небе, вкусив будущего жития, на земле же ходит в образе жителя небесного. Напротив, сибаритский образ питания и склонность к роскоши несут в себе явный образ загробных мучений. Попробую пояснить сказанное: мы говорим и верим, что грешникам уготованы такие муки, как тьма, *огнь неугасимый* и червь неусыпный (Мк. 9, 45–46). Дурные же люди уже в этой жизни предаются этим мучениям: во-первых тьме, то есть мраку, который проникает в помыслы из-за обжорства и прочей сладости, которая является и называется ночью, хотя и скрывается под видом света, ибо *нощь просвещение в сладости моей* (Пс. 138, 11), а во-вторых, и огню, которым пьянство опалает их не меньше, чем того богача, так что такой человек смотрит на приготовляющих напитков, как тот смотрел на кончик пальца Лазаря, как будто они добавляют такие пальцы к неразбавленному вину и способны дать им прохладу в большом количестве питья. Однако же приверженный к пьянству не получает никакого облегчения, но воспламеняется еще больше, поскольку приносимое лишь распалает его жажду. А если он еще и кипит гневом, и пламенеет любовью, то, как говорится, попадает из огня да в полымя⁹ и ввергает себя во втрое более жаркое пламя.

47. Но, может быть, дурные люди, как это было показано, уже здесь, прежде времени, страдают от тьмы и огня, но к этому не добавляются мучения, причиняемые червем? Нет, также и червем. Ибо червь — это попросту совесть, которая неусыпно пожирает сердца тех, кто сознает за собой что-то плохое, как моль пожирает кости; ведь подобно тому, как Давид свидетельствует, что *правым сердцем веселие* (Пс. 96, 11), так и о лукавом говорит противоположное: *Се, боле неправдою, зачат болезнь и роди беззаконие* (Пс. 7, 15). Ибо тяжкие муки уязвляют сознающего за собой несправедливость, и муки эти подобны родовым. Бывает и другой неусыпный червь, способный пожирать лукавого человека: непрестанная забота о тщетном и чахотка житейских попечений, ибо *все житие нечестивого в попечении* (Иов 15, 20). И еще: *Несть конца стяжанию их* (Вар. 3, 17). Итак, жизнь, исполненная попечений на всем своем протяжении, пусть даже человек достигнет успеха в своем любостяжании, по справедливости зовется червем неусыпным, так что дурные люди проходят через все загробные мучения еще прежде того, как покинут эту жизнь. И, следовательно, как Христос сказал сынам Царствия: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), так же мог бы обратиться и к сынам геенны: «Будущие мучения внутри вас совершаются».

48. Мы же будем сынами Царствия, а не геенны, и не будем ходить в свете собственного огня и в пламени, которое сами себе разжигаем, но угасим распутный огонь негодной похоти, яростное пламя гнева и геенну любостяжания и пьянства...

Комментарии

- ¹ Выражение Гесиода [Hes. Op. 45, 629], ставшее поговоркой.
- ² В оригинале специфическое выражение ἔρπει παραλλάξ, заимствованное у Софокла [Soph. Ajax 1087].
- ³ Проповедник цитирует заамвонную молитву, которой завершается православная литургия.
- ⁴ Приток и отток [жизненных соков] (греч. ἐπίρροτον καὶ ἀπόρροτον) — формулировка, восходящая к платоновскому диалогу «Тимей» [Plato. Tim. 43] и в дальнейшем воспринятая как медицинской, так и философской традицией.
- ⁵ Пословица, засвидетельствованная у Плутарха [Plut. Arophetegm. P. 178B Stephanus], а также Лукиана [Lucian. Jupp. trag. 32], который приводит ее со ссылкой на комика (предположительно Аристофана).
- ⁶ Выражение принадлежит Аристотелю [Arist. Eth. Nic. 1146a].
- ⁷ Поговорка связана с эпизодом из жизни Пифагора, упомянутым в «Прогимнастах» Афтония: когда философа спросили, сколь продолжительна человеческая жизнь, тот, «показавшись ненадолго (βραχύ τι φανεῖς), скрылся, обозначив своим появлением срок жизни» [Aphth. Prog. 3 (p. 4, 6–8 Rabe)]. В слегка измененной форме (с заменой βραχύ на μικρόν) это высказывание пользовалось популярностью среди византийских интеллектуалов конца XII в.: помимо данного места, его использует Евстафий Солунский в своем 36-м письме, часть которого обращена к Михаилу Хониату [Die Briefe des Eustathios von Thessalonike / Hrsgg. von F. Kolovou. München; Leipzig, 2006 [Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 239]. Epist. 35:37 (p. 104)], сам Михаил в одном из своих писем [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 49:28 (P. 67)], а также его брат Никита в своей истории [Nic. Chon. Hist. P. 189:45–46, 491:90].
- ⁸ Ср. сходный пассаж в 5-м поучении [л. 12], где также говорится о том, что лев уступает другим хищникам остатки своей добычи.
- ⁹ Michael Apostolius. Collectio paroemiarum // CPG. Vol. 2. XV, 15.